
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**«Issues Of Japanology»
Вопросы японоведения
№2**

Материалы научной конференции,
посвящённой 110-летию основания
кафедры японоведения
Санкт-Петербургского университета

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2008

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**«Issues Of Japanology»
Вопросы японоведения
№2**

Материалы научной конференции,
посвящённой 110-летию основания
кафедры японоведения
Санкт-Петербургского университета

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2008

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Материалы научной конференции,
посвящённой 110-летию основания
кафедры японоведения
Санкт-Петербургского университета

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2008

**Материалы научной конференции, посвящённой
110-летию основания кафедры японоведения
Санкт-Петербургского университета. 28 февраля
2008 года – СПб., 2008. – с.314.**

Ответственный редактор и составитель:
В.В.Рыбин

© Авторы текстов, 2008

© Восточный факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008

Филиппов А.В.

**Сёгун ТОКУГАВА Цунаёси (правл. 1680-1709):
Личность и политика
(новый взгляд на полузабытую литературу)**

Данный экскурс не является попыткой предложить вниманию читателя некие исключительно новые материалы. Речь идёт преимущественно о сведениях «классической» японоведной литературы конца XIX—начала XX столетия.

В аспекте тематики, посвящённой сёгуну *Цунаёси* — одни издания, на основе которых построен нижеприведённый материал, по разным причинам, практически не цитировались. Другие издания — стали раритетами, и даже присутствуя в собраниях библиотек, незаслуженно редко привлекали внимание исследователей в последние десятилетия. Времена же, рассматриваемые в предлагаемом опусе — интересны и в отношении личности сёгуна *Цунаёси* (придавшего воистину неповторимый колорит эпохе), и в отношении любопытных перипетий одного из переходных периодов японской истории. Ведь девиз годов правления *Гэнроку* 元禄 (1688—1704) принято воспринимать и как пик в эволюции феодализма в Японии, и как время необычайно бурного расцвета культуры. Попутно отметим, что выход данной публикации на русском языке несколько затянулся в связи с нежела-

нием автора отказаться от иероглифики и указания долгот в японской транскрипции. Думается, что эти нюансы должны быть неотъемлемой частью любой японоведной работы. За это время успела появиться новая основательная книга Беатрис БОДАРТ-БЭЙЛИ, посвящённая непосредственно данной тематике¹. Остаётся лишь выразить надежду, что подобные труды вскоре смогут увидеть свет и на русском языке.

Времена *Цунаёси* нашли отражение в одном из наиболее ранних для европейцев источнике — описании Японии, принадлежащем перу Энгельберта КЕМП-ФЕРА (немецкого врача и историка), прибывшего в страну в 1691—92 для работы в голландской фактории в *Нагасаки*. В 1727—28 его двухтомное сочинение (в значительной мере включающее и мемуары автора) под названием «История Японии» увидело свет в голландском, французском, немецком и английском изданиях [14, том 3, стр.135]. То, что значение труда остаётся важным по сей день и приведённые в нём сведения поныне не до конца освоены европейскими и американскими авторами доказывает недавнее переиздание этого труда в 1999 усилиями уже упомянутой Беатрис БОДАРТ-БЭЙЛИ².

¹ BODART-BAILEY, Beatrice M. *The Dog Shogun: The Personality and Policies of Tokugawa Tsunayoshi*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. 424 pages, 14 illustrations.

² Последнее переиздание этого труда на английском с исправлениями существовавших неточностей недавно вышло в свет усилиями

Колоритность фигуры ТОКУГАВА Цунаёси 徳川綱吉 явилась причиной того, что он запечатлелся в памяти потомков как личность, привлекающая внимание каждого, обратившего взор на чреду поколений сёгунов дома ТОКУГАВА. Однако, к определённым аспектам его деятельности и характера личности внимание столь чрезмерно, что это привело к формированию явно одиозного образа (и только лишь, не более того). Расхожие оценки обычно не затрагивают иных сторон его деятельности (не менее важных при этом).

В такой ситуации любопытно ещё и то, что многие материалы по «малоизвестным» моментам, деталям жизни и деятельности Цунаёси на самом деле достаточно доступны (будучи опубликованными)¹. При этом речь идёт не о японских изданиях, а о сравнительно легко воспринимаемых материалах на русском и английском языках. До определённой степени существенным огра-

Беатрис БОДАРТ-БЭЙЛИ: [(13) KAEMPFER Engelbert. Kaempfer's Japan: Tokugawa culture observed / Edited, translated and annotated by Beatrice M. BODART-BAILEY. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1999. Pages xiv, 545.]

¹ Жизнь Цунаёси нашла некоторое отражение в различных изданиях — как достаточно новых либо часто переиздаваемых [3, стр.91-93; 2, т.1, стр.438-439; 6, стр.51-56; 14, том 3, стр.130-138], так и редких, ставших раритетными [5, стр.365-370; 7, часть 1, стр.120-122; 10, стр.596-608]. Несмотря на то, что последние из упомянутых изданий вышли около столетия тому назад, приведённая в них крайне интересная фактическая информация, практически не отражена в более свежих публикациях.

ничением может считаться лишь то, что часть этих изданий уже стала раритетами в связи с давностью публикации (конец XIX — начало XX века) и ограниченностью тиража. Это работы В.Я.Костылева, А.А.Николаева, Д.М.Позднеева, Ф.Бринкли (впрочем, данные книги вполне доступны в крупных библиотечных учреждениях). Другие же издания, даже несмотря на их почтенный возраст, не могут быть названы раритетами — скажем, труды Дж.Сэнсома (изданные в 30-е годы XX века, но с поразительной регулярностью, практически ежегодно переиздаваемые и по сей день усилиями издательства *Tuttle*). К сожалению, число относительно свежих, легко доступных работ по данной проблематике на этих двух языках весьма невелико и среди них следует упомянуть статью ОИСИ *Синдзабурō* в коллективной монографии «Япония времён Токугава» 1990 года (переизданной в мягком переплёте в 1991) [15]. При этом в переводе столь современной статьи известного японского историка содержатся досадные оплошности, связанные с грубыми искажениями при переводе имён и фамилий известных исторических персонажей, когда на английском языке некоторые имена оказались прочитаны таким образом, что ни имя, ни фамилия никак не напоминают о рассматриваемом реальном историческом лице (в японоязычных работах подобных оплошностей, естественно, нет — так что всё бремя ответственности приходится списывать на небрежность переводчика и редактора). Подобные ситуации вызвали необходимость, даже и при преимущественном исполь-

зовании материалов на русском и английском языках, обращаться для уточнения информации разного рода к материалам на японском.

В предлагаемом ниже кратком обзоре не ставится цель всецело осветить историографию данного вопроса, а в качестве задачи видится попытка восстановить в первую очередь некоторые «полузабытые» грани жизни и деятельности Цунаёси. Это лишь стремление попробовать воскресить, вернуть миру востоковедов более цельный и многогранный образ этой личности, в действительности оставившей по себе след в истории не только за счёт пристрастия к произволу и тирании «собачьего сёгуна» — а и благодаря многим, и весьма разноплановым политико-экономическим и социальным реформам, проводившимся в его правление.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ЦУНАЁСИ

Деятельность Цунаёси (1646-1709) как сёгуна (правл. 1680-1709) в очень многих аспектах была связана с характером сложившейся эпохи, особенностями политической и экономической ситуации. Для того, чтобы хотя бы в общих чертах представить круг проблем, следует попытаться, по крайней мере, определить их общую специфику, направленность изменений, происходивших в обществе.

Проблемы, которые начали намечаться во второй половине XVII столетия и расцениваются как первые

признаки кризиса системы *бакуфу*¹ оказываются связаны, по крайней мере, с двумя важными моментами. С одной стороны, это некоторое нарастание сложностей экономико-социального свойства (обеспечение надлежащего, удовлетворительного распределения продовольствия и материальных благ на фоне растущего спроса в связи с ростом населения и повышением уровня жизни). С другой стороны — усугубление этих сложностей ввиду неоднозначности фигур вершителей судеб страны в этот период. Это было время IV и V сёгунов (*Иэцуна* 家綱 и *Цунаёси* 綱吉), оставивших по себе неоднозначные воспоминания у потомков. *Иэцуна* (правл. 1651—80), старший сын III сёгуна *Иэмицу*, отличавшийся крайне слабым здоровьем, стал сёгуном в 10-летнем возрасте, но всецело полагался на своих приближённых вплоть до смерти². Считается, что

¹ В 2-томной «Истории Японии» правление I—III сёгунов (*Иэясу* 家康, *Хидэтада* 秀忠, *Иэмицу* 家光) определено как время укрепления политической системы [2, том 1, стр.435-437], IV—VII сёгунов (*Иэцуна* 家綱, *Цунаёси* 綱吉, *Иэнобу* 家宣, *Иэцугу* 家継) — характеризуется как этап, когда проявились первые признаки кризиса системы *бакуфу* [2, том 1, стр.437-440], первые реформы *бакуфу* связываются лишь со временем VIII сёгуна *Ёсимунэ* 吉宗 [2, том 1, стр.440-445], времена же власти последующих семи сёгунов, с IX по XV (*Иэсигэ* 家重, *Иэхару* 家治, *Иэнари* 家斉, *Иэёси* 家慶, *Иэсада* 家定, *Иэмоти* 家茂, *Ёсинобу* 慶喜) — как «период системного кризиса» [2, том 1, стр.445-454].

² Подробнее см., напр.: [3, стр.91; 2, том 1, стр.437-438].

влияние на него оказывали не только советники, но и женщины двора; ещё более усугублено это было указанием одного из его старейшин *родзю* (САКАИ Тадакиё 酒井 忠清, *Ута-но ками* 雅楽頭, 1624—81)¹ о недопущении ко двору тех дам, кто не получил дозволения советников. Таким образом, и так имевший лишь подобие власти IV сёгун, воспринимал всё сквозь призму воззрений своего окружения и оказался практически невосприимчив к происходящему в стране, вплоть до готовности выслушивать объяснения причин стихийных бедствий или голода «непригодностью» императора и необходимостью его отречения в пользу наследников. Для полноты картины можно привести рассказ о том, что за всю жизнь *Иэцуна*, якобы, лишь однажды сам отдал распоряжение, «и то на смертном одре». Указание о передаче поста сёгуна младшему брату *Цунаёси* было отдано им в момент, когда обсуждалась возможность назначения преемника сёгуна из принцев императорской семьи². В прежние времена такое бывало — так, при *Камакура-бакуфу*, 1192—1333, четыре последних сёгуна были из императорского дома³. Между тем сперва сёгун *Иэцуна* подавал блестя-

¹ САКАИ Тадакиё 酒井 忠清 (1624—81) — с 1653 старейшина *родзю* 老中, с 1666 верховный старейшина *тайро* 大老.

² Об этом см. у А.А.Николаева: [4, том 1, стр.84].

³ Именно на это и ссылался *родзю* САКАИ Тадакиё, предложивший последовать примеру *Камакура-бакуфу* и призвать преемника поста сёгуна из императорского дома. В качестве ответа на этот

призыв он услышал резкую отповедь занимавшего тогда значительно более низкую должность ХОТТА *Масатоси*: «Ужели это речь нашего верховного старейшины? Господин *тайро* изволит шутить?». Далее он однозначно высказался, мол, вопроса о том, кому наследовать — и быть не может. Это достоинство да падёт на *Цунаёси* и лишь на *Цунаёси*. Ибо он законный сын покойного сёгуна *Иэмицу* и единственный брат нынешнего сёгуна. Мол, «если это не шутка господина *тайро* — то его предложение и вовсе не имеет объяснений». Это резкое высказывание было воспринято всеобщим молчанием, и вскоре САКАИ *Тадакиё* ушёл со своего поста в отставку [10, стр.596].

Нельзя забывать, что *Тадакиё* тогда имел практически непрекаемый авторитет в *бакуфу*; то, что он молча уступил протесту и увещаниям ХОТТА *Масатоси* — более чем достаточно, чтобы оправдать его, снять все обвинения в злом умысле (скажем, в стремлении захватить в свои руки всю полноту административной власти, используя назначаемого в сёгуны принца лишь в качестве марионетки). Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что одна из наложниц (consort) *Иэцуна* в это время ждала ребёнка и *тайро* желал отложить любые решения по семейным делам до его рождения. Предполагалось, что освобождение от обязанностей сёгуна лица из императорского дома будет легче обустроить, в то время как если будет назван кто-то по линии дома сёгунов — его смещение будет затруднительно. Для *Иэмицу* было рождено пятеро сыновей, старший *Иэцуна* — наследовал пост сёгуна, трое — умерли, единственный оставшийся был *Цунаёси*, родившийся в 1646, ему в это время было 34 года [10, стр.597].

В то же время есть и иное объяснение сложной ситуации, возникшей в связи с назначением преемника сёгуна. Данное объяснение, высказанное ОИСИ *Синдзабуро* [15, стр.32] — уже

щие надежды, возможно, оправдавшиеся составлением блистательных научных трактатов в его правление¹.

не просто изложение внешних проявлений проблемы, связанных с отдельными личностями, но, как представляется, изложение действительной серьёзной политической подоплёки событий.

Когда возник вопрос о наследовании, якобы возникла серьёзная полемика во внутренних кругах *бакуфу*. Хотя это и были уже времена IV сёгуна *Иэцуна*, но совсем недавно созданная (при III сёгуне *Иэмицу*) на базе соответствия надлежащим статусам (*status-based*) административная система функционировала наиболее чётко. Это было правительство, где руководил САКАИ *Тадакиё* и другие старейшины *родзю*. Это были люди из *фудай-даймё* с благороднейшими, лучшими родословными из всего круга вассалов сёгуна. Утверждается, что они стремились укрепить эту, основанную на статусе, административную систему и сконцентрировать в руках *фудай-даймё* всю полноту власти в *бакуфу* за счёт назначения наследником *Иэцуна* молодого принца из императорского дома. ХОТТА *Масатоси*, который лишь годом ранее (в 1679) получил назначение в старейшины *родзю*, непреклонно настаивал на передаче наследования *Цунаёси* как потомку основной линии рода ТОКУГАВА. Старейшинам не удалось разрешить свои противоречия во взглядах, однако, *Цунаёси* наследовал пост сёгуна в соответствии с оговоренным в воле *Иэцуна*. Существуют вопросы по поводу правдивости этой истории, но в любом случае — *Цунаёси* не кажется слишком связанным политическими установками, принятыми во времена предшествовавшей администрации. [15, стр.32]

¹ Об этом говорится у В.Я.Костылева: [5, стр.359].

Впрочем, воображение поражает скорее количество бедствий, постигших Японию в его времена¹.

На этом, достаточно тяжёлом фоне, в общем и начинается правление V сёгуна *Цунаёси* 綱吉, печально прославившегося своей излишней любовью к животным (и в т.ч. к собакам) и совсем не столь внимательным отношением к собственным подданным (заслужив за то прозвание «господина собак» *Ину-кубō* 犬公方). Преобразования его времени были обусловлены не только различными мотивами экономического свойства, но и напрямую связаны с чересчур личными взглядами правителя на разные вопросы (в частности, не имевшие ни малейшего отношения к политике, но оказывавшие на неё непосредственное, порой крайне негативное, воздействие). На раннем этапе правления (который обычно принято рассматривать как благополучный период, когда сёгун проявлял себя как «достойный»

¹ В 1653 г. — пожар в императорском дворце, в 1654 — обрушился дворец самого сёгуна, в 1657 в *Эдо* произошёл один из самых ужасных пожаров времён *Эдо-бакуфу* — «пожар годов *Мэйрэки*» (страшные пожары в *Эдо* были и в 1668, 1670), 1659 — наводнение в *Эдо*, в 1661 г. страшные пожары и в 1662 — землетрясение в *Киото* (когда погибло множество людей и дворцов, включая блистательный замок сёгуна *Нидзё-дзё*), наводнения (в *Никко* в 1662, в *Осака* в 1670, в *Киото* в 1674), в 1668-69 засуха и голод (в 1669 в *Киото* в течение 100 дней приходилось раздавать рис голодающим за счёт правительства), голод постиг *Киото* и в 1675 г. [5, стр.360-361].

правитель) *Цунаёси* руководствовался в действиях советами своего наставника ХОТТА *Масатоси* 堀田 正俊¹ (его трудами, собственно, *Цунаёси* и получил возможность занять пост сёгуна), пока тот не был убит в 1684 г. в результате придворного заговора². После этого вся власть попадает в руки ЯНАГИСАВА Ёсиясу 柳沢 吉

¹ ХОТТА *Масатоси* 堀田 正俊 (1634—84) занимал при *Цунаёси* пост «главного старейшины» *тайро* 大老 — должность, которая не была постоянной, а замещалась лишь спорадически, при необходимости. Основой деятельности ХОТТА *Масатоси* в значительной мере можно считать стремление к заботе о народе — внимание к процветанию земледелия и стремление к предотвращению чрезмерности в налогообложении, призывы к поддержанию моральных устоев среди всех слоёв населения [4, том 1, стр.85].

ХОТТА *Масатоси* был назначен на пост *тайро* после ухода САКАИ *Тадакиё*. Естественно, поскольку именно *Масатоси* обеспечил приход *Цунаёси* на пост сёгуна, его влияние на него было огромно. Не вызывает сомнений, что он заслужил право называться одним из наиболее выдающихся государственных деятелей японской истории и что его исключительные способности послужили делу прогресса и чистоты администрации (достойного управления). В результате его напряжённой деятельности были выявлены факты коррупции, в конце правления IV сёгуна пустившей корни практически повсеместно во всех государственных ведомствах, и удалось влить дух усердия и честности в стиль исполнения служебных обязанностей.

² Подробности этого события см., напр.: [10, стр.598-599].

保¹, по причине чего всё остальное время правления Цунаёси часто называют периодом «политики *собаёнин* 側用人政治»² (первый значительный и, пожалуй, самый важный пост ЯНАГИСАВА), поскольку именно им вершились все дела. Таким образом, в правлении Цунаёси достаточно очевидно выделяются два этапа: до гибели благородного ХОТТА Масатоси (приверженцем которого и почитателем иногда называют КУМАДЗАВА Бандзан [4, том 1, стр.85]) и время от начала прихода к власти ЯНАГИСАВА Ёсиясу. Впрочем, оценки второго этапа могут быть и иными, если подойти к ним с точки зрения эволюции форм осуществления власти.

О характере I-го этапа правления (до 1684),

юность и истоки становления личности...

По-видимому, значительное влияние на формирование личности Цунаёси было оказано его матерью, могущественному влиянию которой он был практически подчинён. Подавляющее большинство мероприятий в сфере социальной политики были приняты по её совету. Поощрение изучения китайской классики,

¹ ЯНАГИСАВА Ёсиясу 柳沢 吉保 (1658—1714). Подробности его карьеры рассмотрены позже, в подразделе «Фаворит Цунаёси».

² Собственно, происхождение и самой должности «секретаря» *собаёнин* 側用人 восходит ко временам того же Цунаёси, создавшего этот пост с целью укрепления своей власти как сёгуна [12, стр.1738]. Первое назначение на эту должность связано с именем МАКИНО Нарисада 牧野 成貞 (1634-1712) [20, стр.1068 left, №054].

развитие почитания буддизма, законы о защите животных — всё это её работа. [14, том 3, стр.130]

На первом этапе *Цунаёси* проявлял интерес к наукам (в частности — к конфуцианству), что проявлялось как в создании и развитии связанных с этим учреждений, так и в распространении знаний посредством чтения лекций, привлечения ученых и т.п.

Склонности теоретика

Цунаёси не питал интереса и не обладал достаточными способностями для таких практических задач управления, которые требовали бы принятия решений по финансам, поддержанию порядка в стране законными и надлежащими методами. Он стремился проявить себя в сфере теоретической и следует отметить, что именно в его правление был переиздан Кодекс для военных домов *Букэ сёхатто* 武家諸法度 (1683), куда была добавлена статья, предписывавшая обращение к представителям власти в случае конфликтов и жалоб от крестьян. При нём же, в 1686 г. пресекалась разнузданность гуляк, «щегольского сброда» *кабукимоно* 歌舞伎者, смущавших покой столицы [14, том 3, стр.132].

Но, пожалуй, более всего внимания заслуживают усилия сёгуна по упрочению позиций конфуцианства. *Цунаёси* пытался внедрять конфуцианские принципы по всей стране посредством «досок объявлений», суливших воздаяние достойным в поведении [14, том 3, стр.132]. Центральное идеологическое учреждение,

опора Эдо-бакуфу — «Официальная академия» кангаку 官学 по «учению Чжу Си» (сюсигаку 朱子学, иначе именовавшегося «Сунским учением» сōгаку 宋学) — была основана ещё в 1630 г. при III сёгуне Иэмицу¹. При Цунайси в 1690 г. её переместили (хотя и в пределах Эдо) из Уэно 上野 в Юсима 湯島 (район Канда 神田). С этого времени, являясь «храмом Конфузия» Сэйдо 聖堂, она стала известна как Юсима-сэйдо 湯島聖堂.

Сёгун как сам слушал толкования знатоков конфуцианства, так и призывал к этому всё своё окружение. Уже в начале правления (1680) им был призван ХАЯСИ Нобуацу 林 信篤 (также известен и как ХАЯСИ

¹ Руководство учреждением тогда было вверено ХАЯСИ Радзан (впоследствии дело руководства этим академическим учреждением так и было связано с его потомками). Сама же Академия располагалась в районе Уэно в Эдо. Последующие (после времён Цунайси) преобразования данного ведомства связаны уже с реформами Кансэй, когда наряду с ней была создана официальная правительственная академия Сёхэйдзака Гакумондзё 昌平坂学問所 (часто именовалась просто Сёхэйко 昌平黌). Служила школой для вассалов сёгуна хатамото и гокэнин, равно как и для учёных-конфуцианцев. С приходом Мэйдзи-исин была сперва в 1868 переименована иероглифически (Сёхэйко, но последний иероглиф ко был изменён — 昌平校), а затем в 1870 вообще закрыта. См., напр.: [12, стр.1406-1407], а также [24, стр.288-342].

Хōкō 林 鳳岡, 1644—1732, внук ХАЯСИ Радзан¹), глава конфуцианской школы, для чтения трижды в месяц лекций по неоконфуцианству. Для освоения учения непосредственно при дворе сёгуна в 1682 г. был призван известный конфуцианец КИНОСИТА Дзюнъан 木下 順庵 (1621—98)². В новый год (1682) для *даймё* и чиновников провели занятие по китайскому канону Да сюэ 『大學』. Это стало ежегодной практикой двора сёгуна в день нового года. Пыл, рвение, тяга Цунаёси к классике дошла до того, что в 1690 он сам выступил с этой темой перед аудиторией, состоявшей из старейшин *родзю* и чинов *бакуфу*. Впоследствии он каждый месяц читал лекции по китайскому каноническому Четверокнижию *Сышу* 『四書』 перед *даймё*, *хатамото*, служителями буддизма и *синтō*, не говоря уж о гостях из Киото. Даже количество лично прочитанных

¹ [8, стр.304]. Я.Б.Радуль-Затуловский, ведя разговор о расцвете учения Чжу Си во времена Эдо, среди сёгунов на первом месте упоминает ТОКУГАВА Иэясу (выдвинувшего конфуцианца ХАЯСИ Радзан в целях распространения учения Чжу Си), а затем отмечает V, VIII сёгунов (Цунаёси и Ёсимунэ) и других как поощрявших процветание этого учения [Там же]. Таким образом, роль Цунаёси, по крайней мере, в данном аспекте, была очевидно положительной и выдающейся.

² Впоследствии (уже при следующем, VI сёгуне, Иэнобу) в определённой мере возвращением к идеям КИНОСИТА Дзюнъан, можно считать реформаторскую деятельность АРАИ Хакусэки, являвшегося его учеником [7, часть 1, стр.121].

сёгуном Цунаёси лекций поражает воображение. Он читал их с 1692 по 1700, шесть раз в месяц, а их общее число (как утверждал фаворит Цунаёси — ЯНАГИСАВА Ёсиясу) составило 244. [14, том 3, стр.132]

Посещая вассалов, сёгун стремился побывать на занятиях, проводившихся ими либо их вассалами. Его любимыми классическими сочинениями были «Великое учение» (Да сюэ 『大學』) и «Книга о сыновней почтительности» (Сяоцзин 『孝經』). [14, том 3, стр.132]

Но при всей тяге Цунаёси к классическому учению не следует воспринимать его как одержимого наукой. Он питал интерес и к литературе, и к изящным искусствам. Он приглашал в качестве наставников не только конфуцианцев, но и «людей искусства» — скажем, выдающегося поэта КИТАМУРА Кигин 北村 季吟 (1624—1705)¹, весьма сведущего в тайнах императорского двора и покровителя ведущих мастеров художественных школ Киото. Впрочем, резкие выпады со стороны Цунаёси порой имели место и в их отношении. Так, был сослан ХАНАБУСА Иттё 英 一蝶 (1652—1724), создавший сатирическое полотно на Цунаёси. [14, том 3, стр.132] При Цунаёси приглашали ко двору сёгуна и других известных поэтов, художников, учёных, нередко специально выделяя им

¹ У Дж.Сэнсома неверно указан год его рождения как 1618 [14, том 3, стр.132].

пожалования; некоторые из их публикаций тех дней удостаивались похвал ТОКУГАВА Мицуюни¹.

В целом, в годы *Гэнроку* (1688—1704, большая часть времён правления *Цунаёси* в качестве сёгуна — девиз годов правления, обычно воспринимаемый как поворотная точка в истории ТОКУГАВА) чётко наметилась совершенно новая для Японии тенденция. Раньше, до второй половины XVII века практически все нормы и обычаи определялись диктатом высших слоёв. Ни торговцы, ни ремесленники официально не признавались в качестве фигур, способных оказывать какое бы то ни было социальное либо литературно-художественное воздействие. Однако, с приходом *Гэнроку* — торговец стал приметной фигурой. Практически все литературно-художественные жанры вышли из-под жёсткого контроля двух-трёх именитых, изысканных мастеров и стали доступны многим, что предоставило громадные преимущества их свободному и оригинальному развитию. [по мотивам: **10**, стр.600-601].

В правление *Цунаёси* имели место и иные связанные с наукой новшества,. Так, после провала надежд на наблюдение в 1683 солнечного затмения из-за несовершенства календаря был введён новый. Сперва в 1684 на основе календаря династии *Мин* — *дайто-рэки* 大統曆, а в 1685 *дзёкё-рэки* 貞享曆; и это после того как 822 года (с 861/2) в Японии пользовались календарём

¹ См. также: [**10**, стр.600].

сэммё-рэки 宣明曆, заимствованным из танского Китая. Заслуга в этом достижении (открытии) принадлежит астроному СИБУКАВА Сюнкай (Харуми) 渋川 春海 (1639—1715)¹. [по мотивам: 10, стр.599-600].

Политика «добрых намерений» и «поощрения добродетели»

Большое внимание Цунаёси уделял подбору достойных лиц (понимающих в «нуждах народа») для назначения на должности «представителей власти» дайкан 代官; в целях облегчения «тягот народа» призывал к проведению «режима экономии» в расходах как казны, так и князей даймё². Однако, уже в это время находят первое проявление некоторые качества Цунаёси, характеризующие его, по крайней мере, как слишком неординарную личность, способную к излишне резким действиям, в т.ч. и по пресечению нарушений дисциплины среди феодалов. Так, в самом начале правления в 1681 им было конфисковано у дома МАЦУДАЙРА княжество Такада³ за допущение семей-

¹ Известен и как ЯСУИ Сантэцу 安井 算哲 (так же звали его отца). Подробнее о нём см.: [12, стр.1361]. О других моментах, связанных с переходом на новый календарь и его особенностях см.: [1, стр.118-119].

² [5, стр.366].

³ Княжество Такада в Этиго 高田藩越後国 (ныне — в преф. Ниигата). Начиная с 6-го сына ТОКУГАВА Иэясу — МАЦУДАЙРА Тадатэру 松平 忠輝, вступившего во владение построенным замком в 1614, и до отмены княжеств в 1871, княжество Такада

ной распри в связи с вопросом наследования княжест-

существовало 257 лет. За исключением 4-х с лишним лет, когда княжество было конфисковано и управлялось *бакуфу* из-за смуты в *Этиго* (упоминаемой далее), в княжестве сменилось 8 домов-владельцев. Если это не были *камон* из дома ТОКУГАВА, то это были всё равно хотя бы *даймё* из *фудай*.

В 1624—81 гг. (после ряда предпринятых *бакуфу* перераспределений владений феодалов) принадлежало *Мицунага* 光長 из дома МАЦУДАЙРА *Этиго тюдзё* 松平越後中将家 (*тюдзё* — военный пост следующий после *тайсё* 大将). Доход княжества составлял 260 000 *коку* дохода. *Мицунага* был сыном *Таданао* 忠直 (старшего брата *Тадамаса* 忠昌). Управление в княжестве было вверено старейшине *каро* 家老 — ОГУРИМИ *Масака* 小栗美作. Были достигнуты успехи в разных сферах — серебряные копи, управление призамковым городом, обводнение, разработка новых полей. После случая с произошедшей в 1679 семейной распрей *о-из содо* 御家騒動 (смута в *Этиго* — *Этиго-содо* 越後騒動) в связи с вопросом о наследовании владения приёмным сыном (*ёсиси* 養嗣子), в 1681 *Мицунага* был подвергнут *кайэки* 改易 (лишение воинского достоинства с конфискацией всех владений, пожалований, усадеб; наказание более тяжёлое по сравнению с «домашним арестом» *тиккё* 蟄居, но явно более лёгкое, нежели самоубийство *эштуку*) и на 4 года 5 месяцев владение перешло к *бакуфу*. [16, том 9, стр.41-42; 22]

У Дж.Сэнсома название княжества интерпретировано как *Таката*. Одному из виновников тамошней распри (непокорному вассалу княжества) было приказано совершить *эштуку* [14, том 3, стр.131]. В довольно краткой форме информация об этом событии нашла отражение и у Фрэнка БРИНКЛИ (1841—1912) [10, стр.597].

ва приёмным сыном. Важен факт, что такое суровое наказание как лишение всех прав (*кайэки* 改易) было применено не просто к крупному *даймё* с доходом в 260 000 *коку*¹, а в отношении одного из «родственных домов» *камон* 家門 (ветви дома ТОКУГАВА).

Представляется, что *Цунаёси* сразу по вступлении в должность был полон благих намерений, весьма оптимистично пытаясь провести ряд преобразований, м.б., не глобальных, но соответствовавших, по его представлениям, требованиям времени. В 1682 издал предписание для своих «управляющих» *бугё* 奉行 и «наблюдателей» *мэцукэ* 目付 о необходимости предпринимать шаги (помимо обычной судебной практики) по поднятию уровня морали в народе. Характер рекомендованных им шагов состоял в мерах по экономии, регулированию расходов населения. Они включали запрещение проституции, найма подавальщиц в чайных и иной подобной практики. В 1683 — издал предписание управляющему в *Нагасаки* (*Нагасаки-бугё*) ограничить ввоз предметов роскоши и ввести пределы цен на золотое шитьё и вообще редкий и дорогой текстиль. Свидетельств успешности этих запретов мало, и логично предположить, что они лишь вели к распространению контрабанды. [14, том 3, стр.133]

¹ Дж.Сэнсом определяет доход княжества в 250 000 *коку* [14, том 3, стр.131], однако более достоверна информация, что когда княжество принадлежало *Мицунага*, он составлял 260 000 [22; 16, том 9, стр. 41].

К поощрению добродетели *Цунаёси* стремился всеми возможными способами. Так им был отдан наказ чиновникам — по всей стране искать лиц, особо примечательных своими проявлениями сыновней почтительности и женщин редкого целомудрия. По его распоряжению их оделяли денежным вознаграждением либо содержанием, учёным дома *ХАЯСИ* (глава школы *Чжу Си*) было велено составлять биографии получателей этих даров. Невозможно не признать, что ранние годы администрирования *Цунаёси* представляют одну из ярчайших страниц в истории *бакуфу*. [10, стр.598]

Хотя его политика в целом опиралась на добрые намерения, но нередко он доходил и до крайностей, как в жестокости, так и в сочувствии; в целом его следует воспринимать как личность эмоционально неуравновешенную. Под влиянием своей матери, производившей впечатление буквально одержимой религиозной манией, он потратил огромные средства на возведение и преумножение священных построек буддийской школы *Сингон-сю* 真言宗 (чтобы доставить удовольствие ей и её духовным наставникам). Его собственная страсть к учению возрастала год от года. Он прилагал усилия и побуждал других следовать добродетелям мудрецов конфуцианства и буддизма, самые достойные его деяния в этой сфере — издание указов о милосердии в целях защиты брошенных детей и занемогших путешественников [14, том 3, стр.133].

О характере II-го этапа правления (после 1684)

В целом, отмечая многие светлые стороны в администрировании *Цунаёси*, следует взглянуть и на другие, тёмные стороны в его политике, весьма явно проявившиеся после убийства *ХОТТА Масатоси* [10, стр. 601]. С переходом ко второму этапу (с 1684), когда фактическая власть оказывается в руках *ЯНАГИСАВА Ёсиясу*, в политике происходят существенные и во многом негативные изменения. В целом за время правления *Цунаёси* были конфискованы владения более чем двух десятков *даймё* и сотни мелких прямых вассалов *сёгуна хатамото*, общий доход которых достигал порядка 1 млн. 400 тыс. *коку* (исток чего можно возвести к вышеупомянутому случаю с конфискацией княжества *Такада* ещё в 1681). С целью показать непререкаемость власти, *сёгун* стремился поколебать влияние вассалов из *фудай*, обладавших правами на занятие ряда высоких постов в *бакуфу* (по сути — грубое нарушение духа заветов основателя дома *сёгунов, Иэясу*). Та же политика была ощутима и в отношении самых высоких аппаратных структур. Так, ряд реорганизаций привёл к ослаблению авторитета старейшин *рōдзю* при концентрации всех полномочий новым «секретарём *сёгуна*» *собаёнин* (подробнее об этой должности см. далее, в разделе, посвящённом новшествам административной и финансовой системы).

Собственно говоря, часто идёт речь о так называе-

мом «удалении *рōдзю*». На самом деле, конечно, это можно понять и просто как некоторое отстранение их от дел при аккумуляции власти в одних руках — у *собаёнин*. Но данное выражение подразумевало и некоторые реальные, чисто физические перемещения. Речь идёт и о действительно серьёзных процедурных изменениях. Ещё со времён *Иэясу* доброй традицией было проводить совещания старейшин *рōдзю* в зале, непосредственно прилегающем к помещению, где находился сёгун. Таким образом, он мог слышать каждое сказанное слово в любой дискуссии и постоянно полностью быть в курсе всех политических дел. Данный порядок после убийства *ХОТТА Масатоси* был изменён. Зал для совещаний был перенесён в отдаление, а там где эти совещания проводились раньше — разместили охрану. Для поддержания контактов между самим сёгуном и *рōдзю* были учреждены новые должности. Нововведение номинально было предложено как проявление заботы о безопасности сёгуна, но совершенно объективным результатом этого оказалось явное сужение источников информации для сёгуна так, что он оказался поставлен в прямую зависимость от вновь назначенных чиновников. Таким образом, можно рассматривать этот шаг, эти меры как вариацию на тему типа дурных замыслов *САКАИ Тадакиё*¹, возможно, некогда намеревавшегося прибрать к рукам всю полноту власти сёгуна [10, стр.601].

¹ О нём см. прим. 5, 7.

Упадок духа воинов

К числу слабостей *Цунаёси* и достижений, где он выделялся, относится театр *Нō*. Были приняты на службу ряд искусных актёров *Нō*, с ними обращались как с наследственными вассалами, выделив им место рядом с Павлониевой палатой. Невзирая на происхождение, к ним относились как к представителям воинского сословия. Изысканность их поз во время представлений стала образцом для *даймё* при дворе *бакуфу*, вместо простоты и безыскусности поведения «воинов» в моду вошли изыски и показная вычурность. Любимые в замке *Эдо* зрелища *фурю* 風流 приводят к появлению блистательного «танца *Гэнроку*». Столь же популярными становятся и *дзёрури* 浄瑠璃. *Сямисэн* 三味線, считавшийся до тех пор грубым, народным инструментом (никогда не одобрявшийся ранее аристократическими кругами) — вошёл в моду среди женщин всех слоёв населения (от высших до низших), а *дзёрури* стало считаться более важным, чем любое образование (*domestic education*). [10, стр.605-606]

Такой всплеск интереса к эмоциональной стороне человеческой природы не мог не подорвать стоицизма воинского сословия и морали общества в целом. Занятия воинскими искусствами вышли из моды. Воин теперь стремился иметь не просто роскошно декорированный меч, но ещё и соответствовавший моде. Ради элегантности готовы были пожертвовать всем, даже боевыми качествами того, что так часто было принято воспринимать как «душу воина». Вообще, годы *Гэнроку*

запечатлелись в памяти потомков как времена роскоши и расточительности, когда расцвели литература и искусство разных жанров (театральные пьесы, песни, стихи, *дзёрури* и др.), о чём уже говорилось выше. Идеалы времени предполагали, во имя элегантности, принесение в жертву даже благородства и достоинства. Продвижение по служебной лестнице могло быть обусловлено как грациозностью танца, так и состраданием к собакам (ибо таковы уж были слабости сёгуна). Многие из воинов так и не научились ездить верхом — испрашивая разрешение на пользование паланкином. Строгие, суровые и жестокие правила прежних дней приходили в забвение. Уличными паланкинами (*мати-каго* 町駕籠 либо *юдзи-каго* 辻駕籠) начинают пользоваться все, кто мог позволить себе эту роскошь. Традиционный порядок приоритетов и ценностей был пересмотрен: вместо овладения воинскими искусствами первоочередное внимание обращается на совершенство и достоинства благовоспитанности [10, стр.606].

Конечно, нельзя говорить о полном забвении «духа воинов». Первая попытка зафиксировать идеи *бусидо* в письменной форме была предпринята известным конфуцианцем ЯМАГА Сокō 山鹿素行 (1622—85)¹ как раз в эти времена (благодаря чему он стал известен как первый теоретик *бусидо*). Уместно заметить, что в

¹ Подробности биографии см., напр.: [12, стр.1726].

княжестве *Ако* 赤穂, с которым связана известнейшая история тех лет об истинной преданности господину 47-ми верных вассалов, наставником военного дела был именно он [10, стр.607-608]. Так что, при общей тенденции упадка влияния воинского сословия, в некоторых абстрагированных аспектах имели место и противоположные тенденции.

Фаворит Цунаёси

То, что *Цунаёси* всегда находился под влиянием фаворита — *ЯНАГИСАВА Ёсиясу* 柳沢 吉保, не слишком подкреплено доказательствами. Ёсиясу был сыном незначительного чиновника *бакуфу*, и, как одарённый молодой человек, был взят на службу *Цунаёси* сразу по приходу к власти в 1680, заняв небольшой пост при сёгуне и ежегодное жалованье в 300 *коку*. Ёсиясу продвигали, и спустя несколько лет назначили «секретарём» *собаёнин* с доходом в 10 000 *коку*, как сказано у Дж.Сэнсома [14, том 3, стр. 133] (в действительности — 12 000 *коку* [22]). Он стал близок к *Цунаёси* и его матери, нередко удостоивался встреч с ними, быстро рос в рангах и получал новые почести, пожалования [14, том 3, стр.133].

С получением владения в *Кавагоэ* 川越 в 1694 его доход возрос почти до 100 000 *коку*, как говорит Ф.Бринкли [10, стр.601] (на самом деле — 72 030 *коку* [22]). Если сперва имя *ЯНАГИСАВА* было *Ясуакира* 保明, то *Цунаёси*, даровав ему иероглиф своего имени, стал звать его Ёсиясу 吉保, впоследствии же, в

1701, даже пожаловал фамилию МАЦУДАЙРА, присовокупив к тому в 1704 владение в *Kai* с доходом в 150 000 *коку*. Значимость этого дара становится ясна, если учесть стратегическую важность *Kai*. Это владение всегда резервировалось для представителей дома *Токугава* и выделение его человеку со стороны подразумевало принятие последнего в круг *Токугава*¹.

¹ В действительности, если говорить о деталях, служебная карьера и доходы ЯНАГИСАВА Ёсиясу 柳沢 吉保 (1658—1714) — некогда сына одного из рядовых вассалов будущего сёгуна Цунаёси — были таковы.

Он начал служить Цунаёси в ещё 1675 в качестве пажа *косё* 小姓, по занятии тем поста сёгуна в 1680 стал *конандо* 小納戸, 1685 — *Дэва-но ками* 出羽守. С 1688 ^{назначен} «секретарём» *собаёнин* 側用人 при особе сёгуна и *даймё* с доходом в 12 000 *коку* с лишним, в 1690 — по повышении ранга получает ещё 20 000 *коку* дохода, в 1694 (став *даймё*, хозяином замка *дзёсю* 城主 в *Кавагоэ* 川越 в земле *Мусаси* 武蔵国 [ныне — в преф. *Саитама* 埼玉県] с доходом в 72 030 *коку* риса) приобретает статус равный старейшине *родзю* 老中格, в 1698 — высший ранг (?) среди *родзю* — *Сакон э-ногон-но сёсё* 左近衛権少将, с 1701 получает почётное право называться фамилией МАЦУДАЙРА 松平 (исконная фамилия дома ТОКУГАВА), в 1704 — пожалование в *Kai* 甲斐 в 150 000 *коку* с лишним, замок в *Кофу* 甲府, с 1706 (по некоторым данным, с 1698 [19, стр.982; 22]) — получает статус равный «главному старейшине» *тайро* 大老格, став главным среди старейшин *родзю* (*родзю-камидза* 老中上座), с 1709 со смертью Цунаёси — оказывается не у дел [22]. Подробнее см.: [16, том 14, стр.86-87; 20, стр.1144 left, №108; стр.1590; 19, стр.982 left; 12, стр.1738; 17; 22].

Головокружительное продвижение в рангах и доходах показывает сколь всецело сёгун подпал под влияние фаворита, продемонстрировавшего блестящие умения взывать одновременно как к страстям, так и к интеллекту господина. В итоге управление всецело оказалось в его руках. После убийства ХОТТА Масатоси в 1684 верховных старейшин *тайрō* не назначалось, совет старейшин *рōдзю* обратился в подобие эха воли Ёсиясу, практически всеми делами *бакуфу* заправлял он один [10, стр.601-602].

Известны голословные утверждения, что Ёсиясу был сводником, поставляя хорошеньких девушек и молодых людей, актёров театра *Нō* 能 для сёгуна (они могут быть и правдой). Как компаньон, он был весьма близок к сёгуну. Но как Ёсиясу не мог сам определять политическую линию, так и Цунаёси не был готов следовать воле своего подчинённого. Щедрость и расточительность Цунаёси в отношении Ёсиясу была частью его возможно болезненного психического состояния (мании), при этом его «приближённый» Ёсиясу явно не был просто льстецом. Он до удивительного действительно разделял литературные вкусы Цунаёси, его интерес к классическому образованию и даже его религиозные склонности. [14, том 3, стр.133] Дружба

Похоже, что есть версия о начале его возвышения благодаря сближению сравнительно молодого Цунаёси с супругой ЯНАГИСАВА, хотя, упоминая об этом факте, В.Я.Костылев приводит несколько неточное написание фамилии — «Яна-зава» [5, стр.366].

с сёгуном для этого слышавшего наиболее коррумпированным чиновника вела своё происхождение как раз от общности литературных вкусов. *Цунаёси* читал лекции по канону «Учение о середине» (Чжун юн, яп. Тьōё 『中庸』), а *Ёсиясу* — по *Лунь юй* (яп. Ронго 『論語』) Конфуция. После учёных занятий они вместе смотрели пьесу *Саругаку* 猿樂, либо предавались иному лёгкому развлечению. Сёгун считался женоненавистником, но *Ёсиясу* хорошо понимал, что человек изначально отвергавший женщин, быстро станет рабом лёгких развлечений с ними, когда необоснованное предубеждение будет преодолено. *Ёсиясу* взял на себя задачу привить сёгуну любовь к такому времяпрепровождению, и характер их встреч (до той поры — лишь для лекций) резко изменился [10, стр.601-602].

«Собачий сёгун» — у всех ли сёгунов были прозвища?

Лишь в редчайших случаях людская молва закрепила прозвища за сёгунами. Если VIII-й «рисовый сёгун» *Ёсимунэ* заслужил такое благодаря своим усилиям и достижениям в борьбе за прирост производительности в сельском хозяйстве, то рассматриваемый персонаж более всего поразил воображение современников небывалой заботой об избавлении «живых существ» (и, прежде всего — собак, в ряду прочих животных) от всевозможных опасностей и тягот жизни.

Единственный сын *Цунаёси* умер в детстве, а другого ему так никто и не родил, посему он пригласил

буддийского монаха помолиться о наследнике для сёгуна. Может показаться необычным, что ревностный поборник конфуцианской доктрины должен прибегать к помощи буддизма в таком деле. Но здесь различимо и влияние Ёсиясу [10, стр.602].

Монах школы Сингон (Рюкō 隆光¹, 1649—1724) высказал предположение, что у Цунаёси нет наследников мужеска пола из-за того, что он забрал чью-то жизнь в прежнем своём существовании (воплощении, предыдущей жизни) — поэтому он (а может его мать) решили, что он должен посвятить себя защите живых существ. Поскольку он родился в год Собаки, его наставники сказали, что он должен уделить особое внимание благополучию этих существ. [10, стр.602] Согласно предложениям Рюкō в Эдо были выстроены два крупных храма (Гококу-дзи 護国寺 и Годзи-ин 護持院), в первом из них Рюкō был назначен настоятелем [10, стр.602].

В 1687 указы о защите живых созданий (Сёруй аварэми-но рэй 生類憐の令), и в особенности — собак, выходили день за днём, приводя в уныние граждан. Несомненно, что множество диких и голодных бродячих псов, заполнявших грязью и смрадом улицы городов, вызывали желание избавиться от них. Но для человека в здравом уме покажется явно чрезмерным из сострадания требовать прохождения учёбы, если

¹ [10, стр.602]

причинил боль собаке. Нелепо и настаивать на том, чтобы к собакам обращались почтительно, употребляя обращение типа «господин/госпожа» Собака (*О-ину-сама*) [14, том 3, стр.134].

Был выпущен указ, запрещающий убийство собак и отнятие жизни в любой форме, результатом чего явилось невиданное умножение числа диких животных, наносивших великий ущерб посевам. Далее, *бакуфу* было издано уточнение, как поступать в тех случаях, когда дикие животные наносили ущерб и опустошение — надлежало отгонять их шумом либо даже холостыми выстрелами, обеспечив принесение клятвы, что они не будут убиты. Если эти средства оказывались несостоятельными, следовало обращаться за инструкциями к судебным властям. Более того, если жизнь была отнята у какого-либо животного в соответствии с надлежащей санкцией, труп следовало предать погребению, не отделяя никаких частей тела либо шкуры. Нарушения этого указа были жестоко наказуемы, было предписано ведение специального реестра, где были бы зарегистрированы все собаки, имеющиеся у людей. В случае исчезновения зарегистрированной собаки проводилось серьёзное расследование, чиновников строго предупреждали о недопустимости подмены одного животного другим. Чужих, посторонних собак следовало хорошо кормить и о любом лице, пренебрёгшем этой обязанностью, надлежало докладывать властям [10, стр.602].

Сперва к указам не отнеслись с достаточной серьёзностью. Но после того, как за убийство собак

начали ссылать на остров *Хатидзэ̄-дзима* 八丈島, публичных порицаний за то, что бездомным животным не было предложено еды; приговоров к тюремному заключению в отношении чиновников верховного суда (за отсутствие мер по предотвращению драк между собаками) — люди начали ощущать, что сёгун воистину неумолим и безжалостен [10, стр.602].

Муниципальные власти были бессильны и неспособны разрешить проблему. Тогда, по прошествии времени, в 1695 решили удалить предмет беспокойства на расстояние. В окрестностях городов были отстроены приюты, где, говорят, в течение последующих двух лет содержалось, по крайней мере, 50 000 псов на довольствии в виде риса и сушёной рыбы (все расходы были возложены на налогоплательщиков) [14, том 3, стр.134]. В *Накано* 中野 (пригород *Эдо*) была выстроена гигантская псарня в качестве приюта для бездомных псов. Она занимала площадь порядка 55 гектаров (138 акров*0,4 га = 55,2 гектара), была оборудована для приёма тысячи псов и находилась под управлением специально назначенных чиновников. Люди же должны были вносить пожертвования в фонды для собак; бытовали высказывания, мол, дневного рациона собаки хватит для человека на полтора дня [10, стр.602].

Цунаёси прозвали «собачьим сёгуном» (*Ину-кубō* 犬公方), но все эти действия так и не привели к рождению у него сына. Хотя, этот провал так и не умерил его веры в предрассудки. Торжественные храмовые церемонии проводились вновь и вновь с

постоянной помпой и по любому случаю, воздвигался храм за храмом либо был одариваем несметными подношениями, а законы о защите животных продолжали всё более рьяно проводиться в жизнь. В указы были внесены птицы и даже моллюски, но не только это ограничивало народ в пище, по милости зверья да птиц гибло и зерно урожаяев. Источники свидетельствуют, что некий крестьянин был сослан за брошенный в голубя камень, другой человек был казнён за ловлю рыбы на лесу с крючком, ещё одного постигла та же участь за нанесение раны собаке (голова преступника была выставлена на публичное обозрение на месте казни в то время как сосед, давший знать о проступке — получил вознаграждение в 30 *рѐ* золотом). Можно прочесть о чиновниках, приговорённых к ссылке за шпоры лошади либо плохой корм. Документы приводят курьёзную историю, связанную с этими перегибами в области права. *Даймѐ* ТОКУГАВА из *Мито* 水戸, известный в истории как *Кōмон Мицукуни* 黄門光圀 (1628—1700), получив свидетельства о зверской жестокости, с которой проводились в жизнь законы о защите животных, собрал множество людей и организовал большую охоту. Среди убитых животных было отобрано 20 крупных собак внушительных размеров, с них были содраны шкуры и упакованы для пересылки *ЯНАГИСАВА Ёсиясу*, которого народ считал виновным в исступлении сѐгуна¹. Гонцам, коим ввери-

¹ Несколько иная версия данного события в упрощенном изложе-

ли посылку, было отдано указание двигаться как можно быстрее. По прибытии в Эдо — отправиться к резиденции ЯНАГИСАВА, где вручить шкуры с письменным заявлением, мол, князь *Mito*, обнаружив, что сии предметы полезны в холодное время года, воспользовался возможностью передать свой опыт вместе с посылкой готовых шкур для сёгуна через Ёсиясу. Говорят, что у получателя этого полного сарказма дара, закрались подозрения по поводу вменяемости князя *Mito*, и им был снаряжен специальный посланник, дабы выяснить, как у того обстоят дела [10, стр.602-603].

Несмотря на очевидную ущербность *Цунаёси* и страдания, коим он подверг горожан Эдо, народ по большому счёту всё же не понёс существенного урона от его сумасбродного, эксцентричного стиля ведения дел. Он время от времени докучал тем, что лез не в своё дело, но основные его интересы были связаны скорее с литературой и искусством. Ему нравилось устраивать представления театра *Нō* в своей резиденции, брать себе главные роли. В конце его правления в политике было мало интересных для фиксации событий, вероятно ввиду того, что ответственные чиновники выполняли возложенные на них функции компетентно и скромно (в ненавязчивой манере). Единственным шокирующим событием политического характера была вышеназванная история 47-ми *ронин* 浪人, потребовав-

нии приводится в: [11, стр.108].

шая от *бакуфу* немало сил [14, том 3, стр.134; см. также: 10, стр.606-607].

ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА: ИЗМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

Для начала уместно кратко определить наиболее значимое событие в этой сфере. Это была осуществлённая в 1695 своего рода «реорганизация» денежной системы (а, м.б. уместнее сказать, «порча» монеты¹, фальсификационные игры с содержанием драгоценных металлов в деньгах), проведённая в отношении золота и серебра, находящихся в обращении. АРАИ Хакусэки, прилагавший усилия к проведению реформы системы

¹ Ситуация известная и нередкая в истории мировой экономики (связана с такими терминами как «фальсификация монет = coinage debasement», «металлические деньги = coinage») [9, стр.84]. Как правило, связан с этим явлением и так называемый «закон Грэшема» (Gresham's Law), сформулированный ещё английским финансистом и государственным деятелем сэром Томасом Грэшемом (1519—79): «Плохие деньги вытесняют хорошие» («Bad money drives out good»). По этому закону, при обесценивании или фальсификации денег, когда имеет место одновременное обращение двух видов платёжных средств с различной истинной относительной стоимостью (определённой рыночными силами) при отличии от официально установленной стоимости — тогда деньги с более высокой истинной стоимостью изымаются из оборота и служат для накопления богатства, сокровищ. Ситуация может возникать и вне обесценивания либо фальсификации при наличии в обращении золотой и серебряной монеты, когда их официально установленная стоимость не соответствует относительной рыночной стоимости этих металлов [9, стр.210, 37].

обращения и сокращению расходов позже, в 1709, писал в своих воспоминаниях, что «реорганизация» 1695 дала *бакуфу* доход в 5 млн. *рѳ* 兩 золотом». Это принесло реальный доход казне *бакуфу* и представлялось, что не оказало явного негативного воздействия на экономику. То, что «дурное управление» *Цунаёси* не смогло нанести серьёзного ущерба стране — очевидно из такого вполне достаточного свидетельства как процветание и города, и деревни во времена *Гэнроку* (1688-1704). Значительные средства, накопленные первыми тремя поколениями сёгунов, ещё не были абсолютно растрачены, торговля процветала, и имелись фонды, из которых можно было бы вкладывать деньги в развитие сельского хозяйства, иные производительные отрасли [14, том 3, стр.134]. Экономика ещё была на подъёме, хотя её движение и замедлялось, а финансовое положение правительства не было благоприятным [14, том 3, стр.134-135]. Место данного периода в истории эволюции финансов *бакуфу*, детали процессов, связанных с реорганизацией финансовой сферы, освещаются ниже.

Об изменениях финансовой ситуации в первую половину эпохи Эдо

Как последствие насквозь коррумпированной системы управления, постоянного строительства храмов и избытка дорогостоящих церемониалов, правительство сёгуна *Цунаёси* обнаружило, что оно серьёзно стеснено в средствах. I-й сёгун *Иэясу* всегда следовал скромности и экономии как своим главным принципам. Ему удалось избежать громадных расходов, к которым прину-

дили других *даймё* в связи с кампанией в Корее, поскольку его доля участия в этом деле не простиралась далее набора войск в провинции *Хидзэн* 肥前. Всю свою жизнь он с неослабным вниманием занимался накоплением резервного фонда, и, говорят, когда он отрёкся от поста сёгуна в пользу сына *Хидэтада*, он оставил казну в 150 000 золотых монет *обан* 大判 (полтора миллиона *рё* золотом) и около 62 тонн серебра (2 млн. тройских унций*31,1 грамма=62,2 тонн). Впоследствии,

大判 (慶長)

уже после своего отречения, пребывая в *Сумпу* 駿府, он сумел накопить ещё 1 млн. *рё* золотом. Таким же экономным и бережливым был и II сёгун, хотя он и вынужден был тратить громадные суммы в связи с усилиями устроить отношения дочери (*consort*) с императором, ремонтными работами в замке *Эдо*, несколькими визитами в императорскую столицу Киото. В связи с этими поездками, говорят, *Хидэтада* пришлось собрать среди *даймё* всей страны в общей сложности 4 млн. 217 тыс. 400 *рё* золотом, 182 000 *рё* серебром. III сёгун *Иэмицу* был щедр и более расточителен. Он часто предоставлял дотации по 5 000 *каммэ* серебром горожанам Киото и *Эдо*; дважды перестраивал внутреннюю часть замка *Эдо*; построил громадное военное судно; с необычайной помпой принимал корейских посланников; понёс затраты в 400 000 *рё* в связи с восстанием в *Симабара*; внёс 1 млн. *рё* на

сооружение и украшение усыпальницы Иэясу в Никкō 日光. Тем не менее, в целом к Иэмицу следует относиться как к экономному правителю [10, стр.603].

Что же до его преемника, IV-го сёгуна Иэцуна, то тому пришлось столкнуться с несколькими случаями пагубных бедствий. После большого пожара в Эдо он пожертвовал 160 000 рё на вспомоществование пострадавшим, перестроил замок Эдо, дважды переоборудовал императорский дворец в Киото. В годы Эмио 延宝 (1673—81) страна многократно страдала от голода, что привело к снижению налоговых сборов и необходимости принятия серьёзных мер по оказанию помощи населению. В этих обстоятельствах предлагалось проведение перечековки золотой монеты (со снижением содержания в ней золота, «порчи» монеты), но эта идея провалилась, не получив официального одобрения. Можно упомянуть, что в 1659 казна была абсолютно опустошена и золотая монета, имевшаяся в ней, была переплавлена. Из этих слитков было отчеканено некоторое количество золотых монет, не предназначенных для обычного обращения с выбитыми на них словами: «Использовать только в случае крайней государственной необходимости». Утверждается, что этот резерв металла составлял 160 000 рё. Реестры показывают, что когда V сёгун Цунаёси пришёл к власти — в казне было 3 млн. 850 тыс. рё золотом. Но эта громаднейшая сумма не смогла сохраниться долгое время при расточительности Цунаёси [10, стр.603-604].

«Порча монеты» как специфика методов воздействия на финансовую сферу при Цунаёси

С 1684, после убийства ХОТТА Масатоси, административная власть полностью попадает в руки ЯНАГИСАВА Есиясу, и пример его поведения вскоре находит подражателей среди всех слоёв населения. Так, примером нелепого роскошествования было оборачивание мягкой стёганой тканью древесины (при транспортировке из леса в город), предназначенной для ремонтных работ в замке Эдо. Казна опустела настолько, что сёгуну пришлось отказаться от ремонта усыпальницы сёгунов в Никкō (и связанной с этим максимум 10-дневной поездки) после заявления служащих казначейства о невозможности изыскать необходимые фонды. Предполагалась сумма порядка 100 000 рё — факт, достаточный для представления о степени расточительности Цунаёси, проявлявшейся во всём, касавшемся дел правительства [10, стр.604].

Непосредственным следствием этого инцидента явился сбор совета для обсуждения положения с финансами и, по зрелом размышлении, предложение главы казначейства — кандзё-бугё ОГИВАРА Сигэхидэ 荻原 重秀 (1658—1713) — было принято. Оно состояло в перечеканке, «порче» всей монеты: золота, серебра и меди. Прежние деньги, известные как «монета годов Кэйтё» по наименованию девиза годов правления (1596—1615) времён их чеканки — сменили «монеты годов Гэнроку» (1688—1704), причём с соответствующими последствиями: вздорожанием

предметов потребления и массовым изготовлением фальшивой монеты. Вскоре правительство обложило налогом 27 200 производителей *сакэ* в районе *Канто*, но в 1703 потребовались новые уловки для покрытия издержек в связи с ущербом от страшного землетрясения и пожаров, уничтоживших большую часть замка *Эдо* и резиденций *даймё*. Прибегли к очередной «порче» монеты и за новыми деньгами закрепилось наименование монет годов *Хōэй* 宝永, опять же в связи с девизом годов, когда они были отчеканены [10, стр.604].

Примерно в это время ряд феодалов стал ощущать столь острую стеснённость в средствах, что в их владениях был начат выпуск бумажных денег. Последовал запретительный вердикт *бакуфу*, но тогда *даймё* вспомнили о возможности обложения принудительными займами преуспевавших торговцев *Осака*. Фальшивомонетничество же стало столь распространено, что с 1688 по 1715 за это был распят, по крайней мере, 541 человек (и это лишь в землях под прямым контролем *бакуфу*). Князю *Сацума* 薩摩 приписывают справедливое замечание, что жертвами злого рока эти люди пали только по причине низкого социального статуса, а уж никак не за преступление против закона. Настоящими фальшивомонетчиками были «власть предержажий» *ЯНАГИСАВА* и казначей *ОГИВАРА*, постоянно занятые выпуском в обращение порченной монеты [10, стр.604].

В отношении финансистов этих времён следует признать, что сложности усугублялись обилием стихий-

ных бедствий. Ситуация с финансами стала было несколько лучше к концу 1703, но на Эдо обрушилось землетрясение, уничтожившее большую часть города и унёсшее множество жизней. В сельской местности люди гибли от волн, нахлынувших на побережье вдоль дороги *Токайдō*. Несколько дней спустя после землетрясения в Эдо подобно смерчу распространился пожар, вспыхнувший в резиденции *Мито* в районе *Ёцуя*, принеся очередные разрушения [14, том 3, стр.134-135]. За этим последовало дивившееся несколько дней извержение *Фудзи* в конце 1707, повлёкшее очередные землетрясения и пожары. В результате, в трёх провинциях (*Мусаси* 武蔵, *Сагами* 相模、相摸 и *Суруга* 駿河) большая часть прилегающих земель была погребена под трёхметровым слоем пепла; потребовалось три года и обременительные денежные затраты для возрождения этих обрабатываемых площадей. Только на удаление пепла было затрачено 400 000 *рѐ* золотом. Но последовало бедствие в Киото — огонь опустошил значительную часть города; продолжением ударов стихии в 1708 оказалась буря с потоками воды, уничтожившими урожай на плодородной равнине *Кинай*. С той поры состояние казны *бакуфу* из плохого стало переходить к ещё худшему. Вновь *ОГИВАРА Сигэхидэ* обратился к фальсификации монеты. На этот раз он занимался «подделкой» медной разменной монеты, но ввиду тяжеловесности и нечистоты сплава (*impurity*) в этих монетах, пришлось испытать большие трудности при вводе их в обращение. В конце

концов, финансисты *бакуфу* были вынуждены обратиться к резервному золоту казны для особых, непредвиденных обстоятельств. Несомненно, что внешняя торговля приносила материальную выгоду для решения финансовых затруднений, но этот предмет достоин отдельного рассмотрения [10, стр.604-605; 14, том 3, стр.135].

Иные новшества в организации административной и финансовой системы и отход от принципов назначения на должность в соответствии с происхождением
(изменения в принципах трактовки статусов)

Учитывая всю ситуацию с приходом *Цунаёси* к власти, он не кажется слишком связанным политическими установками прежней администрации [15, стр.32]. При нём с самого начала появляется новая должность — «старейшины по финансовым вопросам, делам» (*каттэ-гакари рōдзю* 勝手掛 老中). Строго говоря, *каттэ* означает «кухня»; в широком, переносном смысле слова, это относится ко всем практическим финансовым делам. Обычно старейшин *рōдзю* было четверо, и прежде они вчетвером ведали политическими делами *бакуфу* по совместном рассмотрении и обсуждении. *Цунаёси* полагал, что управление финансами, ведение всех финансовых дел строится на долгосрочных расчётах (на суждениях, требующих реализации на протяжении достаточно длительного периода; *long-term considerations*). Соответственно, чиновник должен нести (принимать на себя) всю полноту ответственности за решения. Исходя из этого, сёгун устано-

вил новый пост *каттэ-гакари рōдзю̄* и возложил на облечённого этими обязанностями (на держателя этого поста) всю полноту ответственности за экономические и финансовые дела. Эти обязанности были вверены ХОТТА Масатоси, прежде оказавшему содействие в назначении Цунаёси на пост сёгуна. Но в 1684 ХОТТА был убит в замке одним из «молодых старейшин» *вакадосиёри* по имени ИНАБА Масаясу 稲葉 正休 (1640—84). Тогда эти обязанности передаются ставшему вскоре всемогущим держателю «новоявленной» должности — «секретарю» *собаёнин* 側用人. Вообще, *собаёнин* — это своего рода вариант личной свиты, приближённого, камердинера, спутника, личного слуги *собасю̄* 側衆, принимавшего на себя заботы по личным нуждам сёгуна (служившие в качестве его доверенных лиц, наперсников). У *собасю̄* не было никаких полномочий на ведение дел, имеющих отношение к политике (на политические материи; *to deal with political matters*). Находившийся при особе сёгуна, «рядом», «бок о бок» — служил посланцем, передававшим политические воззрения сёгуна старейшинам *рōдзю̄* и приносившим доклады старейшин сёгуну [15].

После смерти ХОТТА служили в качестве *собаёнин* и вели дела для Цунаёси — МАКИНО Нарисада 牧野 成貞 (1634—1712)¹, а затем — ЯНАГИСАВА Ёсиясу. Отец ЯНАГИСАВА, как уже говорилось, был мелким финансо-

¹ Подробнее см., напр.: [20, стр.1068 left, №054].

вым служащим, служившим *Цунаёси* ещё во времена, когда тот был *даймё Татэбаяси* 館林 в провинции *Кодзукэ* 上野. По родословной — его предки совершенно не подходили для занятия высокого положения, но личные связи с сёгуном позволили преодолеть невозможное [15].

Порядок дел, когда человек явно несоответственного происхождения (как *ЯНАГИСАВА*, без соответственной родословной, пользовался бы полным и абсолютным доверием сёгуна — называется *собаёнин-сэйдзи* 側用人政治, либо «политикой *собаёнин*», правлением «секретаря» сёгуна, управлением «государственного секретаря». Для этого требовалась власть достаточная для превосходства над старейшинами *родзю* и младшими старейшинами *вакадосиёри* — власть, позволявшая вести, руководить ведением абсолютно любых политических дел. Эта схема управления продолжала сохраняться на протяжении кратковременных периодов правления VI и VII сёгунов, *Иэнбу* и *Иэцугу*, когда в качестве влиятельных приближённых служили *МАНАБЭ Акифуса* 間部 詮房 (1666—1720) и *АРАИ Хакусэки* 新井 白石 (1657—1725). Во время правления VIII сёгуна *Ёсимунэ* в этом качестве выступали *АРИМА Удзинори* 有馬 氏倫 (1668—1735) и *КАНО Хисамити* 加納 久通 (1673—1748)¹. При их наследниках — IX и

¹ В отношении политики такого рода при *Ёсимунэ*, в начале периода *Кёхо*, порой употребляется и другой термин «*гоё-*

Х сёгунах, *Иэсигэ* и *Иэхару* — это были *О́ОКА Тадамицу* 大岡 忠光 (1709—60) и *ТАНУМА Окицугу* 田沼 意次 (1719—88). Если затрагивать вопрос о их происхождении, то *МАНАБЭ* был ранее актёром *Нō*, *АРАИ* — учёным-конфуцианцем. *АРИМА* и *КАНŌ* — вассалами *Ёсимунэ* ещё в бытность того *даймё* в *Кисю* 紀州. *О́ОКА Тадамицу* происходил из ветви вассалов-ленников дома *О́ОКА*, а *ТАНУМА* — был сыном пешего воина *асигару* 足輕 из *Кисю* 紀州 [15]. Действительно, для одного поста — невероятное разнообразие социальных статусов (имевших в эпоху *Эдо* чрезвычайно большое значение).

Чиновники казначейства (*кандзэ-бугё* 勘定奉行), реально (фактически) управлявшие финансами *бакуфу* под руководством старейшин *рōдзю*, *каттэ-гакари рōдзю* и «секретарей» сёгуна *собаёнин* — были управляющими финансами (суперинтендантами = *superintendents of finance*, *кандзэ-бугё* 勘定奉行). На эти должности обычно назначали четверых чиновников из прямых вассалов *хатамото* с годовым жалованьем порядка 3 тыс. *коку*. Существовало 5 200 домов *хатамото*, но лишь 250 имели пожалования в 3 тыс. *коку* или более. Таким образом, управляющие финанса-

торицуги сэйдзи 「御用取次政治」, т.е. «политика официальных посредников, [представителей правительства]» [23, стр.75-124]. Порой называют их и «теневыми влиятельными фигурами» 陰の実力者御用取次 [21, стр188].

ми избирались из сравнительно узкого круга, соответственно вероятность, что должность займут способные люди, была достаточно низкой. Поскольку *каттэ-гакари рōдзю* служили главными управляющими финансов — значительных практических способностей от них и не ожидали. Но для понимания мелочей и деталей в своём деле — им надлежало быть хорошо сведущими в экономике и расчётах. Поскольку лишь 5% *хатамото* могли служить в этом качестве — нехватка квалифицированных лиц для занятия этого поста была очевидна и неизбежна [15].

Цунаёси разрешил проблему утверждением, что для занятия поста управляющего финансами *кандзэ-бугэ* решающим фактором должны быть способности, а не происхождение. Первым человеком, появившимся в качестве *кандзэ-бугэ* в соответствии с этой руководящей линией, оказался *ОГИВАРА Сигэхидэ*. Он, при взаимодействии с *ЯНАГИСАВА*, управлял финансами *бакуфу* на протяжении периода *Гэнроку*. С родовым пожалованием порядка 100 *коку*, он пришёл из низших рангов 5 200 фамилий *хатамото*. **ОГИВАРА** был первым из трёх великих *кандзэ-бугэ* эпохи *ТОКУГАВА*. Его политика в сфере денежного обращения, особенно перечеканка монеты, считается зарождением современной денежной политики в Японии. Вторым наиболее великим *кандзэ-бугэ* был *КАНЬО*

Харухидэ 神尾 春央 (1687—1753)¹, заведовавший финансовыми делами *бакуфу* во вторую половину правления Ёсимунэ. Именно ему приписывается высокомерное утверждение, мол, «Что крестьяне, что кунжутное семя — сколько нажмёшь, столько масла и выжмешь» 「百姓と菜種なたねは搾しぼるほど油が出る」². Он, таким образом, символизирует, представляет образ *кандзё-бугё* как безжалостного эксплуататора, на самом деле являясь крайне способным финансистом, сделавшим очень много для укрепления финансов *бакуфу*. Третий *кандзё-бугё*, чрезвычайно много внёсший в финансовое оживление *бакуфу* — это МАЦУМОТО Хидэмоти 松本 秀持 (1730—97)³. Будучи помощником ТАНУМА Окицузу 田沼 意次 (1719—88), в числе других важных мероприятий, он провёл обследование Хоккайдō. КАНЬО и МАЦУМОТО происходили из семей даже

¹ Подробнее см.: [16, том 3, стр.775; 22, 神尾若狭守増徴反对一揆]. В английском переводе статьи ОИСИ Синдзабурō неверно переданы как фамилия, так и имя при отсутствии иероглифики — человек по имени КАМИО Харунака нигде в серьёзных изданиях не упоминается, в то же время известнейший казначей КАНЬО Харухидэ упоминаем как в японоязычных работах того же автора [18, стр.44], так и в других справочных изданиях (см. выше).

² Выражение приводится и на русском языке, скажем, в работе Я.Б.Радуль-Затуловского [8, стр.256], однако, автор высказывания не назван.

³ Подробнее см.: [16, том 13, стр.171с].

более низких по статусу, чем это было в случае с ОГИВАРА — из семей *гокэнин* 御家人, т.е. низшей категории ленных вассалов сёгуна [15].

Между основанием Эдо-бакуфу и зенитом, лучшей порой правления Цунаёси минуло около сотни лет. Экономика, развивавшаяся феноменальными темпами в течение этого столетия, более или менее достигает апогея в своём росте. Значительные финансовые ресурсы бакуфу были порядком истощены, и режим вступал во времена, когда бюджетный дефицит являлся зна́ком эпохи. Бакуфу более не могло позволить себе свободно тратить деньги на любую цель, казавшуюся достойной — надлежало тщательно взвешивать, соразмеряя расходы с доходами. Следовательно, уже не мог удовлетворять подбор финансовых служащих и далее только по благородству их происхождения. Было необходимо искать шире и набирать людей способных, поэтому политика Цунаёси, состоявшая в найме людей для финансовой деятельности согласно их способностям — отвечала сложившейся ситуации [15].

Бакуфу со времён начала династии набирало на работу «следственных служащих», наблюдающих за поддержанием порядка (*investigative officials*), таких как «старшие наблюдающие» *ō-мэцукэ* 大目付 и «контролёры» *мэцукэ* 目付. Цунаёси установил дополнительную контролирующую должность, имевшую отношение исклю-

чительно к финансовым делам — *кандзэ̄-гиммияку* 勘定吟味役 (должность бюджетных экспертов = *budget examination office*), практически соответствие современной ревизионной комиссии, комиссии по проверке отчётности (*board of audit*). ОГИВАРА *Сигэхидэ* начал карьеру как младший служащий финансового ведомства, стал контролёром по финансам *кандзэ̄-гиммияку*, а впоследствии был продвинут, и стал *кандзэ̄-бугэ̄* [15].

На большинство административных постов *бакуфу* во времена Эдо набиралось более, чем по одному служащему на должность. Существовала своего рода ротационная система (так называемая «система стражей месяца» *цукибан-сэй* 月番制), одну из целей которой можно усмотреть в стремлении избежать чрезмерной концентрации власти в одних руках. Например, старейшин *родзю̄* было 4 человека, градоначальников *мати-бугэ̄* — 2 (а одно время 3) человека, 4 казначея *кандзэ̄-бугэ̄*. В отличие от нынешнего порядка, принятого при ведении административных дел, в аппарате *бакуфу* судебные и административные функции не разделялись. К примеру, занимаясь ведением дел по фондам *бакуфу* — *кандзэ̄-бугэ̄* приходилось решать правовые конфликты (улаживать тяжбы; *handle legal disputes*), заниматься сбором налогов, следить за расходами (*management of expenditures*). Позже, при VIII сёгуне Ёсимунэ была повышена эффективность деятельности аппарата разделением этих вопросов на судебные и финансовые дела. Правовые и судебные проблемы вверили ведению двоих казначеев *кандзэ̄-бугэ̄*, контролиро-

вавших судебные дела, а все финансовые проблемы — двоим казначеям *кандзё-бугё*, ответственным за финансовые дела. [15]

Явление того же рода: даже когда *Токугава-бакуфу* создавало систему статусных различий — зывали к авторитету сёгуна и, по мере необходимости, подстраивались, адаптировались к ходу истории, дерзко набирая лиц талантливых, вне зависимости от их социального статуса. Это то, что сделало систему *Токугава* способной к выживанию на протяжении 265 лет среди неистовства (бури; *violent shifts in the historical current*) перемен в течении истории — вплоть до перехода от феодализма к капитализму. Впоследствии, отношение к подобной практике (когда лицам талантливым отдавалось предпочтение невзирая на социальный статус) в системе *бакуфу* вновь изменилось при переходе реальной политической власти от ТАНУМА *Окицузу* к МАЦУДАЙРА *Саданобу* (с начала правления XI сёгуна *Иэнари* в 1787). Вновь возобладали консервативные традиции (в данном случае — это было реакционное воздействие), когда генеалогия и происхождение вновь стали преобладающими при принятии решений о назначении на должности. Это затруднило способности *бакуфу* справляться с быстро изменяющимся потоком, волной истории, и, как результат, способствовало ускорению вступления на путь упадка и распада [15].

КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ ЦУНАЁСИ

Выше уже говорилось о том, что это были несчастливые времена, особенно для восточных районов стра-

ны, имея в виду множество стихийных бедствий в первое десятилетие XVIII века (включая и извержение Фудзи в 1707).

Известно, что в это время не было заметного упадка в здоровье *Цунаёси*. Ведь проявление интереса более к игре в пьесах *Нō*, чем к политике не может считаться признаком болезни. Однако, где-то около 1698, когда *ЯНАГИСАВА* был приравнен по статусу к верховному старейшине *тайрō*, начало создаваться впечатление, что *Цунаёси* устал от дел и постепенно отходит от официальной жизни, дабы посвятить себя наукам и представлениям театра *Нō*. По некоторым данным, он предался разгулу (но свидетельства по этому поводу скудны). Логичнее предположить, что в последние десять лет жизни он медленно угасал умственно и физически. Он умер в возрасте 64 лет, поэтому едва ли можно утверждать, что он разрушил своё тело беспутством [14, том 3, стр.137].

В этой обстановке *Цунаёси* ушёл от дел, вверив их ведение *ЯНАГИСАВА*. Летом 1708 он провозгласил, что слагает с себя обязанности в пользу нового сёгуна, своего племянника *Иэнобу*, *даймё Кōфу*, которого рекомендовал *Мицукуни* из *Мито*. *Цунаёси* оставалось жить недолго. Он был болен, когда *Иэнобу* от его имени проводил новогодний приём, а несколькими днями позже скончался [14, том 3, стр.135].

Некоторые историки того времени сообщают, что, мол, увлечение сёгуна довело его до обещаний поднять

доход Ёсиясу до 1 млн. коку и назначить наследником бакуфу сына, рождённого супругой Ёсиясу для Цунаёси. Как показывает исторический опыт, такие высочайшие проявления безрассудства всегда предотвращались в канун задуманного безумства — сёгун был заколот насмерть ударом жены, немедля совершившей самоубийство. Это предание, однако, является скорее вымыслом, основанным всего более на том, что смерть Цунаёси произошла слишком неожиданно и в крайне критический момент [10, стр.605]¹.

Цунаёси умер от оспы в 1709, проболев недолгое время. У него не было сыновей, и за 5 лет до того его племянник Иэнобу был объявлен наследником сёгуна. Родившись в 1662, Иэнобу стал VI-м сёгуном на 47-м году своей жизни. Первым его действием стала отмена указов Цунаёси о защите животных. Говорят, он предложил следующее объяснение на могиле почившего сёгуна: «Ты желал защитить живые существа и строго воспретил убийство любого из них. Ты хотел, чтобы и по твоей смерти запрет соблюдался. Но сотни из тысяч человеческих существ страдали от действия закона твоего. Отменить его — единственный путь вернуть мир людям» [10, стр.608]. Иэнобу явил доказательством своей проницательности и немедленное смещение ЯНАГИСАВА Ёсиясу, коррумпированного фаворита

¹ Но при этом несомненно, что перегибы и излишества, грубые административные просчёты Цунаёси, были во многом вызваны пагубным влиянием ЯНАГИСАВА Ёсиясу.

прежнего сёгуна, назначив на должность «секретаря» *собаёнин* надёжного МАНАБЭ Акифуса 間部 詮房 (1666—1720), облёк полным доверием АРАИ Хакусэки [10, стр.608].

Эпоха «собачьего сёгуна» завершилась...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Некоторые авторы говорят, что *бакуфу* при *Цунаёси* стало слабым и некомпетентным, но и эта точка зрения не слишком справедлива. Правда состоит в том, что он более **не был военным диктатором типа III сёгуна Иэмицу**, хотя в правление *Цунаёси* феодалов и заставляли поддерживать порядок весьма жестокими и болезненными мерами. **Страх, внушавшийся методами *Цунаёси***, хорошо ошутим в записях его современников. Малейший просчёт вассала наказывался жесточайшим образом. Чиновники стремились избежать принятия нового назначения из страха совершить ошибку, которая положит конец их карьере. Существовал действенный тайный надзор, велась слежка за посетителями резиденций князей *даймё* и старейшин *рōдзю*. Его **финансовая политика** в целом была успешна, несмотря на обрушившуюся чреду стихийных бедствий; он не испытывал колебаний, держа твёрдой рукой выдающихся представителей торгового мира *Эдо* и *Осака*. Он одобрил, поддержал (а возможно и

инициировал) значительные работы в прибрежной зоне и значительные сдвиги в транспортировке людей и грузов. При власти *Цунаёси* значительно улучшились отношения *бакуфу* и императорского двора. Он возродил и обеспечил фонды для проведения основных придворных церемоний и несколько других «обрядовых действий», упускаясь из виду столетие или более (включая ежегодный праздник в *Камо-дзиндзя* 賀茂神社 в Киото, храме древнем практически как сам город¹ и исторически связанным с императорским двором) [14, том 3, стр.137-138].

Главное (ведущее) политическое достижение *Цунаёси* состояло в усилении авторитета центральной власти и его работа в этом направлении описана некоторыми историками в работах, посвящённых реформам годов *Тэнна* и *Дзёкё* [14, том 3, стр.138]. В целом же, практически весь период правления *Цунаёси* был связан с проведением различных реформ и преобразований. Так, реформы, приходящиеся на девизы годов правления *Тэнна*, *Дзёкё* и *Гэнроку* (в общей сложности 1681—1704) — приходятся как раз на времена правления *Цунаёси*.

¹ Традиция связывает постройку храмов *Камо-дзиндзя* 賀茂神社 с 677 либо 678 годом [12, стр.730], [17: *かもみおやじんじや*【賀茂御祖神社】…天武天皇六年、賀茂別雷神社とともに創建…].

Завершая обзор жизнеописания *Цунаёси*, хочется добавить несколько слов. При всей неординарности его личности и многочисленности неоправданно и нелогично жестких меропрятий, связанных с его политикой — в его время был заложен фундамент для дальнейшей эволюции общества. Его роль в истории Японии времён *Эдо-бакуфу* может рассматриваться столь же неоднозначно, как и период *Гэнроку*. Ряд элементов в характере властных структур приобретает новые черты. Это (как и времена *Гэнроку*) знаменует перелом в развитии общества и переход к новой стадии — второй половине эпохи *Эдо*. С одной стороны, имело место ослабление и некоторое видоизменение ряда феодальных систем, а с другой стороны — укрепление коммерческих элементов и структур, развитие товарно-денежной сферы, зарождение и начало становления новых общественных отношений. Всё это нашло более или менее окончательное оформление только после полного краха режима *Эдо-бакуфу* и начала уже свободного от феодальных оков развития капитализма в Японии приблизительно с начала времён *Мэйдзи*. Таким образом, при рассмотрении фигуры *Цунаёси*, важно обращать внимание не только на скандально известные моменты его биографии, но и на важное место комплекса проводившихся им преобразований в ряду иных реформ эпохи *Эдо*. Возможно, уместно рассматривать реформы *Цунаёси* как заложившие основы для последующих преобразований эпохи (и в

определённой мере провоцировавшие их) — в том числе и для «трёх больших реформ эпохи Эдо» (годов Кёхō, Кансэй, Тэмпо). Хотя первоочередное внимание здесь следует обращать на социально-экономическую сущность этих процессов, а не на политическую. Политически последующие реформы предпринимались как раз под прямо противоположными лозунгами избавления от проблем, накопившихся за первую половину правления династии и «возвращения к старине» времён её начала.

Список использованной литературы

1. Воробьев М.В., Соколова Г.А. Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. М.: ГРВА, 1976.
2. История Японии. Т.1-2. М., ИВ РАН, 1998.
3. Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М., ИВ РАН, 1999.
4. Николаев А.А. Очерки по истории Японского народа. Т.1-2. СПб.: Издание «Общественной пользы», 1905. С.198, 217.
5. Очерк истории Японии, составленный В.Костылевым. СПб., 1888.
6. Очерки новой истории Японии (1640—1917) / Под ред. А.Л.Гальперина. М., 1958.
7. Позднеев Д.М. Японская историческая хрестоматия. В 3 т.: Часть 1 (Отдел 1-2); Книги 1-2. Токио: Тейкоку Инсацу Кабусики Кайся, 1906. С.297; 68, 5; 70, 2.
8. Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л., 1947.
9. Словарь современной экономической теории Макмиллана / Общ. ред. Дэвида У. Пирса. М.: ИНФРА • М, 1997. С.608.
10. BRINKLEY F. A History Of The Japanese people: from the

- earliest times to the end of the Meiji era. London (The Encyclopaedia Britannica Co., N.Y.-London), [1912] 1915.
11. Illustrated Who's Who of Japan: 100 historical personages. (英文) 日本絵とき辞典 9: 人物日本史 Tokyo: Japan Travel Bureau, 1991. P.191.
 12. Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo: Kodansha, 1993.
 13. КАЕМПФЕР Engelbert. Kaempfer's Japan: Tokugawa culture observed / Edited, translated and annotated by Beatrice M. BODART-BAILEY. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1999. P.xiv,545.
 14. SANSOM G.B. A History of Japan. Vol.1-3. [London, 1958-1963] Tokyo, 1993.
 15. Tokugawa Japan: The Social and Economic Antecedents of Modern Japan / Ed. by NAKANE Chie, OISHI Shinzaburo, translation edited by TOTMAN Conrad. Tokyo: Univ. of Tokyo Press, 1991. [hardcover 1990]
 16. Кокуси дайджитэн=Большой [энциклопедический] словарь по истории Японии: В 15 (+ 3) т. Токио: Ёсикава кобункан, 1979—1997. 国史大辞典。全 15 卷。東京: 吉川弘文館、1979-1997 年。
 17. Майкурософутто Сёгакукан Буккусэруфу бэсикку = Мультимедийный словарь Микрософт/Сёгакукан «Bookshelf Basic» (CD ROM), версия 2.0. [Б.м.]: Microsoft/Shogakukan 1987-1998. マイクロソフト/小学館 ブックシェルフベーシック (Microsoft/Shōgakukan Bookshelf Basic):マルチメディア統合辞典。Ver.2.0. [No place:] Microsoft/小学館、1987-1998 年。
 18. Нихон-си 5. Кинсэй 2 = История Японии (5). Новое время кинсэй 2 / Под ред. ОИСИ Синдзабурō. Токио: Юхикаку, 1977. С.227, 6. 日本史(5) 近世 2 / 大石慎三郎 編。東京: 有斐閣、1978 年。247, 5 頁。
 19. Нихонси дзитэн / Кёдай Нихонси дзитэн хэнсан-кай хэн = Словарь по истории Японии / Редакционный совет по истории Японии ун-та Киото. Токио: Сōгэнся, [1990,] 1992.

- C.1457. 日本史辞典 / 京大日本史辞典 編纂会編。東京: 創元社、[平成 2 年、] 平成 4 年。1457 頁。
20. Нихонси дзитэн / НАГАХАРА Кэйдзи кансю̄ = Словарь по истории Японии / Под ред. НАГАХАРА Кэйдзи. Токио: Иванами сётэн, 1999. 日本史辞典。永原 慶二 監修。東京、岩波書店、1999。
21. ОИСИ Синдзабурō. Нихон-но рэкиси. Дай 20-кан. Бакухан-сэй-но тэнкан = История Японии. Т.20. Трансформация системы бакуфу—княжества (бакухан-сэй). Токио: Сёгакукан, 1975. С.390. 大石 慎三郎 著。日本の歴史。第 20 卷。幕藩制の転換。東京: 小学館、1975 年。390 頁。
22. Сёгакукан Супа-Ниппоника: Нихон дайхякка дзэнсё̄ = Мультимедийная энциклопедия «Super Nipponica CD ROM» (4 CD ROM), версия 1.0. [Б.м.]: Сёгакукан, 1998. 『小学館スーパー・ニッポニカ』、日本大百科全書。Ver.1.0. [No place:] 小学館、1998 年、12 月。
23. ФУКАИ Масауми. Токугава-сёгун сэйдзи-кэнрёку-но кэнкю̄ = Исследование политической власти сёгунов Токугава. Токио: Ёсикава кобункан, 1991. С.11, 504, 9. 深井雅海 著。徳川將軍政治権力の研究。東京: 吉川弘文館、1991 年。11, 504, 9 頁。
24. Эдо-мати-ката-но сэйдо = Система [организации] у горожан Эдо / Под ред. ИСИИ Рёсукэ. Токио: Дзимбушу брайся, 1968, апрель. С.526. 江戸町方の制度 / 石井 良助 編。東京: 人物往来社、昭和 43 年 4 月。526 頁。¹

¹ В действительности, данное переиздание представляет собой материалы по периоду Эдо, несколько не относящиеся собственно к правовой системе, но представляющие значительный интерес с точки зрения быта, обычаев, нравов, дает неплохое представление об эпохе. Оригинальное, исходное издание представляло собой публикацию в газете «Тёя симбун 朝野新聞» с апреля 25 г. по июль 26 г. Мэйдзи (1892—93) под названием «Токугава сэйдо», т.е. «система Токугава». Материал крайне интересен. [из Предисловия ИСИИ Рёсукэ]

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Рыбин В.В.</i> Кафедре японской филологии 110 лет	3
<i>Зенина Л.В.</i> Н.И.Конрад – глава российской школы японоведения	96
<i>Акулов А.Ю.</i> Предварительное сообщение об открытии письменности древних айну	106
<i>Алпатов В.М.</i> Почему так говорят японские женщины	121
<i>Гуревич Т.М.</i> Некоторые культурно-специфические особенности грамматики японского языка	135
<i>Климов В.Ю.</i> «Наставление юношам»	148
<i>Кудоярова Т.Н.</i> Об изменениях, наблюдаемых в лексическом составе современного японского языка на примере использования аббревиатур <i>рякуго</i> и их полных форм	171
<i>Мельникова И.В.</i> Японские паломники к Л.Н.Толстому	181
<i>Мещеряков А.Н.</i> Довоенная Япония: победа духа над плотью	194
<i>Михайлова Ю.Д.</i> О чувстве комизма у японцев – на примере материалов журнала «Ниппонти» (1904 г.)	206
<i>Торопыгина М.В.</i> Басни Эзопа в «Исохо моногатари» (XVII в.)	221
<i>Филиппов А.В.</i> Сёгун ТОКУГАВА Цунаёси (правл. 1680-1709): Личность и политика (новый взгляд на полузабытую литературу)	236
<i>Филиппов А.В.</i> ТАНУМА Окицугу (1719-1788) и злоупотребления властью в Японии конца XVIII в.	294

**Материалы научной конференции,
посвящённой 110-летию основания кафедры японоведения
Санкт-Петербургского университета.**

28 февраля 2008 г.

Печатается без издательского редактирования

Дизайн и оригинал-макет:

И.В.Павлов, А.В.Филиппов

Подписано в печать 11.02.2008

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,4. Тираж 200 экз. Заказ № 67

Типография Издательства СПбГУ,
199061, Санкт-Петербург, Средний проспект, 41